

Арен ВАНЯН

Арен Ванян родился в 1992 году. Живет в Москве. Окончил социологический факультет Высшей школы экономики. Автор исследования «Москва Александра Солженицына» (<https://topos.memo.ru/category/561>). Публиковался в журнале «Знамя».

НЕВИДИМАЯ НИТЬ

Рассказ

Андрей сам с севера, а в Москву приехал месяц назад. Приехал не один, с ним был друг детства, Ваня. Ваня уже не в первый раз приезжал в Москву, там у него был знакомый бригадир, который вызывал его на сезонные работы: раз в полгода, пару раз в год. Когда Ваню вызывали, он уговаривал поехать с ним, но Андрей наотрез отказывался: пожилой отец, семья, ученики. Как он их оставит? «Не могу», – говорил он Ване. Но в тот раз он сам попросился, поскольку больше не мог оставаться в родном городе.

В Москве они занялись ремонтом квартиры одного большого человека, кажется, из федеральных ведомств (какой-то там Николай Иванович, они не запомнили фамилию). Это была многокомнатная, просторная сталинская квартира с потолками по пять метров, окнами во всю стену и видом на Москву-реку, Парк Горького. «Большому человеку большая квартира», – говорил Ваня с важным, хозяйским лицом. Он часто произносил готовые фразы, и Андрей всегда улыбался им тихой улыбкой, поскольку знал в Ване слабость к прелестям жизни, к богатству, показухе. Но он всегда списывал ее на сиротливое детство, на вечную обиду на тех, кому повезло иметь дом, родителей, карманные деньги. У Вани этого не было. Он был лишен всего с самого детства, и это не могло не отразиться на нем.

В Москве они были привязаны друг к другу как братья: просыпались вместе, вместе работали, ели из общей кастрюли и на общем матрасе ложились спать. В выходные дни Ваня звал Андрея в центр города, посмотреть Кремль, Лубянку, но он отказывался, его не тянуло. Он столкнулся с непривычным физическим трудом, который отнимал у него все силы, желания. Он не был против такой усталости, поскольку отправлялся в Москву из расчета, что потрудится, подзаработает, вернется домой и дома уже успокоится, разберется, что делать дальше, как жить. Ваня же гулял по центру города, набирался впечатлений, а затем возвращался и рассказывал с лицом повидавшего человека, как все богато, с умом устроено, как солидно живут москвичи, со смыслом.

Так они жили, трудились, со дня на день завершали отделку. В один из таких дней приехал их круглолицый бригадир-прораб, знакомый Вани, и нарушил их братский покой. Быстро поздоровался и сразу объявил резким взмахом руки, что деньги откладываются, но «вопрос решается». Ваня опустил на лестницу стремянки, а Андрей остался стоять со шпателем в руках. «Серег, что нам делать?» – спросил Ваня у бригадира. «Ждать, – тут же ответил бригадир с оживленным лицом. – Не сейчас, но деньги будут. Вы не переживайте, парни, держитесь пока, работайте. Я разберусь». Ваня кивнул, переглянулся с Андреем, и они дали понять друг другу, что продолжают работу.

Вечером того же дня вместе с бригадиром приехал незнакомый человек в черном костюме, кожаных туфлях и с золотыми запонками. Они сразу обратили внимание на запонки, говорившие о нем больше, чем его лицо, слова. Он вяло пожал им руки, коротко, без охоты поинтересовался, откуда они, и осмотрел при них квартиру. Бригадир не отлипал от него ни секунды, комментировал каждый участок и сантиметр, на которой незнакомец направлял взгляд. Когда они ушли, Андрей узнал от Вани, что это был зять хозяина квартиры, и именно ему эта квартира будет подарена. Затем он приезжал еще пару

раз, но говорил только с бригадиром. Они с Ваней утешали друг друга, что бригадир не упускал случая не только подлизаться к нему, но и обсудить их деньги.

По-хорошему, Андрей совсем не думал о деньгах, пока не узнал, что им могут не заплатить. Он долгое время вообще ни о чем не думал из-за изматывающего труда. Но теперь, когда к нему возвращалось тревожное чувство очередной неудачи, беды или несчастья, он снова был вынужден думать. Он думал, что может остаться без денег в Москве, может не вернуться домой, и от этих переживаний у него снова начались бессонные ночи, и его снова сковывала внутренняя тревога, от которой он не знал, как избавиться.

До приезда в Москву он пережил тяжелые дни. В общем-то, в эти дни с ним не случилось ничего особенного, такие вещи случаются с каждым человеком. Его же беда была в том, что несчастья навалились на него скопом, друг за другом: два тяжелых удара, без предупреждения, переломали всю прежнюю жизнь.

Андрей был очень привязан к отцу. Всему важнейшему, что он вынес из жизни, он обязан отцу и его наставлениям. Но последние годы, особенно после свадьбы и переезда в город, Андрей все реже навещал его в деревне. Наташа, его жена, не любила жизни с родителями, любила городскую самостоятельность и приучала Андрея к ней. Может, поэтому ему было важно, чтобы отец приехал к ним из деревни и отпраздновал рядом с ним свое шестидесятилетие.

Накануне дня рождения, когда отец должен был приехать, Андрей нашел его на лестничной площадке своего дома. Лифт не заработал, отец решил подняться самостоятельно – и тогда с ним случился удар. Он уже не дышал, когда Андрей увидел его. Пришлось поволочь тело в квартиру – и затем только вызвать скорую.

Ровно через неделю после похорон, когда он только-только стал оправляться, случился второй удар. Его уволили из школы по анонимному доносу, и он остался без работы. Кто-то... Да нет, не кто-то, так как Андрей уверен, что это была преподавательница истории: родители ее мужа – стукача из прокуратуры, которого он знает с детства, – были не в ладах с его отцом еще с советских лет. И эта «кто-то» донесла до Натальи Юрьевны, директрисы школы – женщины опытной, неглупой, но боязливой за свое место, – что на уроках обществознания, которые он вел, «разворачиваются антигосударственные дискуссии». В качестве доказательства «антигосударственных дискуссий» она зачитала отрывки фраз, произнесенных им на уроке и якобы записанных на клочке бумаги кем-то из учеников: *«Но надо знать их [украинцев] общий накал сейчас. Раз не уладилось за века – значит, выпало проявить благоразумие нам. Мы обязаны отдать решение им самим – федералистам или сепаратистам, кто из них кого убедит. Не уступить – безумие и жестокость... И чем мягче, чем терпимее, чем разъяснительнее мы будем сейчас, тем больше надежды восстановить единство в будущем. Пусть поживут [независимо], попробуют...»* Когда он объяснил директрисе, кому принадлежат эти слова и почему он их процитировал перед взрослыми, неглупыми, думающими старшеклассниками, она развела руками: «Андрюша, – сказала она своим пожилыми, но деловитым голосом, – я боюсь, что человек, которому это было нужно, не остановится на этом. Мы оба догадываемся, почему это случилось. Я обещаю тебе помочь потом, но сейчас, понимаешь, не то время, чтобы...» Далее Андрей слушать не стал. Он поднялся и вышел из кабинета.

Он пришел домой, пересказал Наташе, ожидавшей второго, и в ее глазах прорезался страх. Хотя она и уверила его, что все образуется, он не мог теперь успокоиться: ее обеспокоенный взгляд преследовал его. Вечером, подавляя страх, он хотел почитать сыну новую книгу, купленную накануне, но в тот вечер егохватило только на наблюдение, как его трехлетний Коленка играл с оловянными солдатами и отчего-то старательно отрывал ногу одному из них. Андрею хотелось попросить сына не делать этого, но он не нашел в себе сил. Неизвестно, что на него нашло, но ночью он не мог уснуть и чувствовал себя таким никчемным, беспомощным перед людьми, миром, что ему

захотелось как можно скорее сорваться куда-нибудь. Ему было все равно, чем заниматься и где, ему просто нужно было на время сменить обстановку. Наташа не одобрила его решения, пыталась его образумить, а когда поняла, что он не шутит, обиделась, еще больше испугалась и не рассказала ничего сыну. Но Андрей не мог ничего с собой поделать. Он обещал, что вернется через месяц, и попросил Ваню забрать его в Москву.

В день, когда все работы были наконец-то завершены, они ждали бригадира. Он прикатил под вечер, как обычно веселенький, и сразу объявил во весь голос, что приехал не с пустыми руками. Затем уже, чуть понизив голос, добавил, что у него только половина денег. Когда появится остальная часть, он не знает, но обещает, что перешлет, когда получит. Это было лучше чем ничего, но Ваня все равно заявил, что это их не устраивает. «Мы должны были получить больше, – сказал он. – Мы так не договаривались». Тогда бригадир сел на табуретку посреди барака, устало опустил на колени руки и впервые за время, что они знали его, заговорил спокойно, без излишней радости: «Это правда, что мы так не договаривались. Я тоже, знаешь ли, не договаривался с Алексеем (зятчем хозяина), что не получу всё обещанное. Это раз, – сказал он, выставив указательный палец. – Два, – отрезал он, выставив второй палец и подняв на Ваню строгий взгляд: – Раньше я всё тебе выплачивал? А, Ваня, скажи, всё я тебе выплачивал?» Ваня опустил голову, словно ребенок, которого отчитывали, и кивнул бригадиру. «Раньше я тебе *всё* выплачивал, – произнес бригадир. – Но вот, впервые у меня проблемы, и теперь ты предъявляешь мне, что мы так не договаривались. Вот, значит, Ваня, по каким правилам ты играешь. Понятно. Ну, пусть. Пусть так, Ваня. Я запомню, не забуду. Перехожу к три, – сказал бригадир, выставив третий палец, и посмотрел на них уже холодно, отрешенно. – Вы можете что-то сделать в этой ситуации?» И тогда Ваня совсем не нашел, что ответить ему – даже голова, взгляд застыли, не двигались. В самом деле, кем они были? Что могли сделать? «Мужики... – сказал бригадир, постукивая кончиками трех пальцем по колену, словно готовясь донести до них важную, искреннюю мысль. – Я не ветроеб. Я своих не кидаю. Я, знаете, хлебнул немало лиха, жизни повидал и в вашем положении бывал... Так что знайте: когда я говорю, что заплачу вам ваши деньги, – заговорил он с чуть наигранным, плохо скрываемым презрением, – то говорю без вранья. Поэтому либо верьте мне, езжайте домой и ждите ваши деньги, либо разбирайтесь сами с Алексеем или, упаси Господи, с Николаем Ивановичем». Бригадир еще раз отстучал тройкой пальцев по колену, неспешно поднялся, устало оглядел их и уже с расстановкой добавил: «Но, бля, уверяю, что тогда вам вообще хана».

Они покорно, по-рабски закивали ему. Его последние слова достигли своей цели, поставили их на место. Представление «провинция безмозглая, добралась до Москвы и что-то *требует*» наконец-то кончилось. Им напомнили, кто они, можно было расходиться. Даже настроение приподнялось оттого, что все кончилось. Бригадир, снова повеселев, снова вспомнив свою артистичность, по-барски приподнял голову, сузил взгляд и отсчитал положенную половину денег, а затем – внезапно – перебрал пальцами еще по пяти тысячной купюре. «На билеты на поезд. Чтобы не думали обо мне лишнего», – добавил он строго, но улыбаясь глазами. Затем подскочил с табуретки, предупредил, что назавтра, после их ухода, придут гастарбайтеры и разберут барак, и уже в дверях наспех пожал им руки и запрыгнул в свой джип. Больше Андрей его не видел.

Вечером Ваня ушел в магазин. Андрей остался один, позвонил жене, узнал, как она, как самочувствие, как сын, и обещал, что завтра приедет. Ее голос не откликнулся особой радостью, поэтому о деньгах он промолчал. Они уже договорили, когда Ваня вернулся из магазина с парой бутылок «Журавлей», пластиковыми стаканами, блоком синего LD, банкой маринованных огурцов и буханкой черного хлеба. Сели ужинать. Ваня открыл бутылку, сразу налил Андрею, хотя он не соглашался сразу. Андрей редко пил, но после разговора с женой ему вроде как хотелось рюмку, может, две. Ваня все же настоял, что для приличия надо выпить посолднее и преломил хлеб, передав Андрею половину. После первой рюмки они выпили по второй, а после второй – по третьей, а потом – по

четвертой... Под первую бутылку они хорошо разговорились, в основном о детстве и юности, о временах, когда не было хандры, а было легкое, подъемное отношение к жизни. Со второй бутылки разговор сделался бессвязнее и расплывчатее, и ностальгия постепенно перетекла в меланхолию. Андрей вконец захмелел, веки уже слипались, когда Ване отчего-то совсем взгрустнулось и он тихо, с сердцем напел: «Не ругайте меня дома, меня не за что ругать; мое дело молодое, мне охота погулять...» Андрей слушал его, поддерживая рукой подбородок, и смотрел ему в глаза, гадал, отчего у них такое новое, опечаленное выражение, точно из их глубины с ним говорил еще один человек.

Ване захотелось станцевать, он встал и молча пошел дугой, но чуть не свалился на пол. Затем он захотел пойти за третьей, но Андрей еле уговорил его не делать этого. Одной рукой он ухватился за его плечо, а другой указал на потолок, пьяным голосом умоляя: «Не надо, Ваня, хватит. Отец повторял мне: пойдешь еще за одной – правда на небо улетит... Не надо! Завтра вокзал, дорога... Нам домой пора...» Ваня внял его словам, лег на матрас прямо в одежде. Андрей решил, что утром наведет порядок. Он кое-как сбросил с себя одежду и лег рядом с Ваней, стянув на себя край покрывала. Холодная была ночь, начало декабря. Ваня лежал рядом, глядел на потолок и степенно, культурно, со всей серьезностью перекрестился и уснул. Андрею не показалось. Уверенный, что Ваня засыпает, Андрей перевернулся на бок, спиной к другу, и увидел в углу сумку, черную сумку, в которой были их деньги и паспорта. Он прислушивался к Ваниному сопению и глядел на черную сумку. Неожиданно, сами напросившись, подскочили мысли, что он получил только половину денег, а скоро будут новые расходы, второй ребенок родится, первый в садик пойдет, и что он будет тогда делать, куда пойдет работать?.. Андрей закрыл глаза, потряс головой, отгоняя от себя бесовщину. Сознание погрузилось во тьму. Во тьме он разглядел жену, которая ждала его домой, ждала-печалилась с округленным животом, и от мысли, что он скоро вернется к ним, попросит прощения, и она поцелует его лоб, как когда-то в детстве целовала бабушка, и они заживут как жили, ему снова стало все мило, хорошо, и тогда он заснул.

Раньше Андрей просыпался благодаря голосу своего друга, но в тот день он проснулся сам. Впервые за время в Москве. Открыл глаза – и не нашел мобильного. Затем приподнялся на локоть и не увидел сумки в углу. Ничего не было. Оглянулся – и друга тоже не увидел. Его тут же выплонуло в одних трусах на улицу, но было пустынно: не было ни друга, ни сумки, ни людей.

Примерно через час пришли гастарбайтеры, человек шесть. Андрей попросил у одного из них мобильный телефон, подержал в руках, но так и не вспомнил ни одного номера. Спросил, приедет ли бригадир, но они развели руками. Он кивнул им, вышел на улицу и сразу задумался, куда пойти. В самом деле, куда? Он оказался совсем один и без мобильного, без документов и денег. Еще несколько часов назад он был человеком, у него были документы и деньги на дорогу домой, а сейчас не осталось ничего, он стал ничем, и никто не знал его в Москве.

Андрей побрел по декабрьским улицам. Чтобы не поддаться страху, он отгонял от себя мысль, что остался на улице. Не соглашался с этим и уверял себя, что найдет выход. В нем теплилось еще много надежды.

Ноги несли его по Тверской, Моховой, Воздвиженке. Он без толку плутал по центральным московским улицам и смотрел на достопримечательности, которые избегал целый месяц. Мимо него проходили ухоженные москвичи, и его взгляд цеплялся за них, словно надеялся на что-то. Может, на то, что они без слов поймут его положение и помогут ему, беззащитному и беспомощному. Надежда, слишком много надежды, жалости к себе, мешали ему очнуться от болезненного сна.

Он не сразу почувствовал голод. Часов через шесть, как оказался на улице. Прошел мимо «Хлеба насущного», кафе-пекарни, и вспомнил, что не ел с прошлого вечера. Остановился перед витриной, за которой были теплый свет, кофе, круассаны, и понял, что

лучше не видеть этого. Он перевел взгляд на пару средних лет, хорошо одетых, с чистыми лицами, посмотрел на кольца на их безымянных пальцах и услышал обрывки их разговоров о делах, детях, бестселлерах, свободном времени, пробках, ценах на бензин, кинопрокатных новинках. Ему тоже захотелось поговорить с кем-нибудь о чем-то таком же бесполезном, повседневном, нормальном.

Андрей бесцельно зашагал дальше. Несмотря на внутреннее сопротивление, с ним все равно происходили перемены. В первый день на улице тело еще не изменяло: ему хватало сил, выносливости, терпения; об этом природа позаботилась. В первый день на улице Андрею изменяли мозги. Он с трудом, с болью очищался от привычного сознания наличия еды, сна, стабильности. С очищением от естественных привычек он постепенно терял власть над чувствительностью, в нем исчезало все накопившееся безразличие. От этого он делался все более незащитным.

Когда смеркалось и поднялся ветер, сердце впервые крепко сжалось от страха, что приближается ночь на улице. В ответ на страх в нем поднялась новая волна досады, что он поехал в проклятую Москву, оставил дом, жену, ребенка, поперся в этот грязный, безразличный город, где его оставили в дураках. Остыв, он снова задумался, что надо искать выход, надо спастись. Страх толкал его найти хоть какую-нибудь, пусть самую жалкую и низкую, но помощь.

Все изнутри него сопротивлялось, когда он направился к полицейской машине. Столько зла они причиняли его семье, особенно отцу, но стоило ему впервые оказаться на улице, как все его презрение улетучилось. Многие ценности, которым его научил отец, разом выветрились из головы. То ли из желания разжалобить полицейского, то ли из незащитности, Андрей обхватил себя руками, вцепившись в локти, и заговорил. Молодой, нагловатый полицейский, уже с брюшком и двойным подбородком, долго не хотел его замечать. Уткнувшись в мобилу, он знал, что кто-то стоит рядом, бубнит что-то, но не шевелил пальцем, не двигал бровью. Поняв, что этот кто-то не уходит, он тяжело вздохнул, опустил стекло и обратил унылый взгляд. Выслушав, он промямлил бычьими губами, что единственное, чем может помочь, – это забрать в обезьянник. «Мужик, – добавил он голосом, ставившим в вину присутствие “кого-то” рядом с ним, – знаешь, сколько у меня *реальных* дел?» Настроение лени, малодушия, отвратительной сытости. Он хотел, чтобы незнакомец исчез, и Андрей ушел, едва не извинившись перед ним.

Прошло еще два часа, уже была ночь. От холода, все усиливавшегося, Андрей всерьез задумался о ночлеге. Он пробовал войти в подъезды, но двери были закрыты, и кодовые комбинации не срабатывали. Он звонил на случайные номера квартир с просьбой, чтобы его впустили, но когда десятый подряд человек либо не ответил на домофонный звонок, либо отказался открывать дверь, Андрей с боязнью произнес: «Неужто прямо на улице спать?» По его спине пробежал мороз. Где ему спать, если он ничего не найдет? Куда себя деть? Голод, сон, декабрь. Он увидел длинный подземный переход и с радостью подумал, что хоть там ляжет, согреется и, глядишь, поспит. Он чуть не вбежал в него, спускаясь, перепрыгивал ступени и уже разлегся, когда его настиг сначала сквозняк, а затем попался на глаза бездомный, которого он не сразу заметил, – лежал в паре метров напротив с расстегнутой ширинкой, с закрытыми глазами и полуоткрытым ртом. Андрей сорвался обратно на улицу.

Он дошел до первого двора, лег на скамейку на детской площадке и закрыл глаза. Затем почувствовал, как что-то опустилось на лицо, что-то влажное. «Что это?» – спросил он себя, а когда поднял веки, увидел снег, первый снег. «Так и быть, – подумал он, и слезы – жалости или отчаяния, а может, и того и другого – чуть не выступили на его лице. – Буду спать под снегом. Первый снег, когда я первый день на улице. Так и быть». Андрей не знал, что его ждет ночью, лишь надеялся, что поспит, теперь уже под снегом. Но он не спал почти всю ночь. Были минуты, когда ветер немного стихал, и Андрей дышал спокойнее, веря в скорый сон, но это было ненадолго. Словно только для того, чтобы наверстать этот отдых, ветер налетал с новой силой и еще злее колот и рвал, и Андрей

мерз, бился и стучал зубами, держась за дрожащие колени и живот, и проклинал ветер, себя и людей. Во дворе многоэтажного дома, где сотни квартир, никто не знал, не замечал его. Они спали в своих отопленных квартирах, на мягких кроватях, под теплыми одеялами, пока он лежал ночью на улице, в декабре, без еды и сна.

Он не помнит, как уснул и как спал. Помнит только, как открыл глаза и словно из могилы увидел снежинки, на которые падал свет, утренний золотистый свет. Ветра не было, и освещенные снежинки неспешно ложились на деревья, на землю, на его лицо. Они были прекрасны, и Андрей подумал, что все кончилось, он в раю. Но это было не так, он был еще жив. Он понял, что еще жив, когда увидел за снежинками и светом жильцов дома, которые не впускали его в подъезд и не замечали ночью: женщину с пакетами, старика с коляской и одинокого мужчину, бросившего на него недоверчивый взгляд. Они были слишком обыденными для рая, а он верил, что в раю не существует обыденности. Верил, что там все окрашено благословенным золотистым светом, и неспешно падают снежинки, и люди любят ими, лежа в саду, и им всегда тепло.

Каждый день на улице сердце Андрея сжимал новый страх. Во второй день страх прокрался не только в мозги, но и в тело. После сна на улице сил почти не осталось. Голод сделался нестерпимее, одежда отяжелела от влаги. Мысли стали резче и обрывистее. Он больше не мучился от знания-незнания, бездомный он или нет, а только боялся, что снова может ничего не съесть и остаться ночевать на улице.

Андрей дошел до шумного, людного Киевского вокзала, надеясь, что в привокзальной толпе ему помогут. Он спустился в переход, и его приютила бездомная пара алкашей с покрасневшими от холода лицами. Они сразу предложили ему сесть рядом с ними, но он отчего-то замешкался. Им это не понравилось. Когда же он еще отказался пить с ними, они совсем обозлились. Андрей попросил у них прощения и ушел. Нужно было видеть их запившие, тупые, беспомощные лица. «Не нужно выдумывать никаких теорий об устройстве мира, чтобы узнать мир, – подумал про себя Андрей. – Просто забудь, что у тебя есть дом, и пойди на вокзал, попробуй прожить там хотя бы день. Без лишних слов тебе сразу откроется, что войны в мире больше, чем самого мира; что человеку выгоднее быть безразличным и злым, чем открытым и добродетельным; что выживет в конце концов только тот, у кого хватит сил проломить башку другому. И ничто тебя не переубедит в этом».

С площади вокзала он зашел согреться в метро, но добропорядочные сотрудники метрополитена пригрозили ему полицией. Он открыл тяжелые двери соседнего с метро кафе, чтобы спросить воды, которой не пил больше суток, но миловидные официанты прогнали его обратно на улицу. Он даже зашел в библиотеку, надеясь, что там его не тронут, что там он может согреться и поспать хотя бы час, но молодой человек, полный веры в прогрессивное, справедливое человечество, демонстративно встал, когда увидел его немытую провинциальную физиономию, и вышел из зала; сотрудницы библиотеки тут же устремили на него косые взгляды. Андрею стало стыдно, ноги сами вынесли его на улицу.

Остаток дня, до вечера, он шлялся по городу, не оглядываясь на названия улиц или лица людей. Иногда вдали мелькала Москва-река, и он представлял себе ее обледеневшую воду. «Или брошусь, – думал он, – или помру от голода. Так или иначе это кончится».

К вечеру, когда голод сделался нестерпим, он сдался. Он сбросил остатки нормальности и стал попрошайничать. Он хотел есть. Он умоляюще глядел на хороших и добрых горожан и кланчил у них деньги. Он наконец-то избавился от низкой души и зажил, как остальные, высокими инстинктами. «Если бы я поел... – повторял Андрей про себя, как мантру, когда подходил к очередному человеку с умоляющим лицом. – Если бы я согрелся...» Он приставал к красиво и богато одетым москвичам, мужчинам и женщинам, просил у них помощи, совета, денег на дорогу, но они смотрели на него с презрением. Он подходил к людям с интеллигентскими лицами, просил дать червонец на хлеб, но у них не было времени на таких, как он. Подходил к подросткам, но они попросту

не замечали его. Только дети поглядывали на Андрея с удивлением, но как ребенок мог помочь ему? Неизвестно, пережил бы он ту ночь, если бы не одна женщина – пожилая, в длинном черном пальто и черном платке, словно из подземелья, – которая сунула ему в руку сторублевку и прошла дальше, не поднимая головы. Андрей проводил ее надтреснутым от благодарности взглядом.

Он зашел в продуктовый магазин, и продавщица тут же потянулась к стограммовкам, но он отмахнулся и озлобленно произнес, что ему нужно 500 грамм хлеба и бутылка воды. Столько хлеба, рассказывал ему отец, выдавали заключенным. Если столько хватало отцу, значит, решил Андрей, хватит и ему. Он расплатился, ушел в очередной двор в районе Киевской или Студенческой, сел на скамейку и торопливо отщипал хлеб по кусочкам, спешно прожевал его и запил водой. Он не знал, что не надо торопиться, не надо запивать водой и жадно жевать. Не знал, что когда спишь на улице и не ешь сутками, хлеб надо сосать, как сахар, как леденец, чтобы подольше утолить голод. Ему стало жарко, голова закружилась. Он лег и проспал несмотря на холод много часов, наверное, пять или шесть.

Утром он проснулся от холода, с новой силой пробравшего ему спину. Проживать новый, уже третий день на улице не было ни сил, ни желания. Он вышел на просторный тротуар, сел недалеко от церкви и протянул руку. Люди проходили мимо. За первый час, пока он сидел на заснеженном асфальте с протянутой рукой, ему ничего, ни рубля не подкинули. Медленно и сознательно Андрей почувствовал ненависть ко всем, кто не замечал его, кто спал дома, имел работу. Кто получал зарплату. Кто видел любимых, родных. Кто не бросал их, не подводил и выполнял обещания. Кто знал, как жить, чтобы не оказаться на улице. Как же их было много. Ненависть переполняла Андрея, когда он задумался, кто вообще в ответе за все, что случилось с ним, за то, что случится с женой, детьми, когда они узнают обо всем. Кто вообще в ответе за людей. Затем долго и мучительно, против воли, он думал об отце. Отец, который как-то сводил концы с концами и умудрялся сам выживать, смотреть за родителями и наставлять, воспитывать его, своего непутевого сына. Отец справлялся со всем, а у него не получилось. Он не смог. С этой мыслью в Андрее что-то опустело, что-то выветрилось из него. Ему сделалось совсем одиноко. Люди все еще проходили мимо.

Когда ты возненавидел людей; когда ты не можешь забыть, что твой близкий друг, тот, кто называл тебя братом, бросил, обчистил тебя; когда ты не знаешь, что будет с женой и детьми; когда не знаешь, кто в ответе за все преступления; когда ты остаешься совсем, бесповоротно один в этом мире, и никто тебя не видит и не знает, – вот тогда тебе хочется запить. Больше всего в ту секунду Андрею захотелось запить, напиться, нажраться, налакаться – так, чтобы забыть, как ему одиноко, как ему не хочется дальше жить.

Но что-то удержало его. Что-то твердо подсказало ему, что один глоток – и бездомные с Киевского вокзала, и шаг в пропасть, и никогда не вернуться в прежнюю жизнь. Это не мозги подсказали ему, не тело и не воля, чей последний сгусток не уступал ни голоду, ни холоду, но уступил одиночеству, – это подсказал инстинкт, чувство самосохранения. Это инстинкты подсказали ему: *она* хочет, чтобы ты выпил. *Она* так заберет тебя. Андрей крепче схватился за живот, закрыл глаза что есть силы и стал лихорадочно трясти головой, прогонять *ее* руганью, грязной, матерной руганью, какую только знал. Он не сознавал, что делает это вслух, как сумасшедший, как умалишенный, рядом с церковью, отчего обыкновенные, нормальные люди держались от него подальше, точно могли подхватить заразу.

В середине дня, когда он на какое-то время прогнал *ее* и очнулся в подобии здорового ума, он смог дойти до малолюдного парка, в котором было полно статуй, памятников – серых, холодных, заброшенных. Это были памятники вождям, советским партийцам. Был там и главный из них, с тараканьими усищами, из-за черной тени которого люди по сей день лишаются ума. Но Андрей глядел на него как на остальных и

не чувствовал ничего, кроме равнодушия. В действительности ему было проще смотреть в мертвые каменные глаза, чем в живые людские. От живых он устал. Он прятал от них взгляд, поскольку боялся, что они дадут ему денег, на которые он сорвется и купить выпивки, уступит ей. Он даже радовался чувству голода, пока оно не причинило ему новую боль, от которой у него стало сводить ноги. Взявшись за живот, он опустился на бордюр на задворках парка. Было чувство, словно нечто изживается из него. Он еще раз сделал усилие над собой и попробовал отвлечься, заглушить боль от голода какими-то мыслями. Но у него не получилось, мыслей не нашлось. Она побеждала.

Андрею было стыдно умирать в парке, на глазах у людей. Так и не поев, он покрепче обхватил живот руками и кое-как добрал до закрытого двора на Якиманке, до тупика старого полузаброшенного дома. В тупике, рядом с раздолбанным подъездом, были помойка и облезлая скамейка. Он лег на скамейку.

Было холодно и не было слышно ничего, кроме свиста ветра. Было так холодно, что казалось, что он лежит в одних трусах. У него слезились глаза, изо рта валил пар. Он съежился из последних сил. Вдруг одна-единственная мысль закружилась в сознании. Мысль, что он может не вернуться в мир. Что этой ночью все может кончиться. Отчего-то Андрей наполнился маленькой радостью. Тихо, одиноко умереть, пусть от холода – но все кончится, больше не о чем будет думать, вспоминать, тревожиться, незачем будет метаться, бороться, некого будет проклинать или умолять, – а можно будет избыть последнюю боль, надежду, отпустить последний сгусток воли и желаний и долгожданно выдохнуть, наконец-то уснуть.

Андрея еще раз пробрала дрожь. Когда она прошла, он потерял сознание.

Но Андрею не повезло, его разбудили. Незнакомый мужчина тряс его за плечо и испуганно глядел на него в оба глаза. Машинально, с трудом соображая, Андрей захотел подняться, но почувствовал неладное. Что-то с руками. Декабрь. Он спал на улице. Снова сделав слабое движение, он опять не смог оторвать руки. Он опустил взгляд: примерзли к скамейке. Он не чувствовал рук, но теперь знал, что почувствует, если отдерет – резко, одним махом – и почувствует с новой болью. «Кажется, нужна горячая вода, – произнес мужчина, приглядываясь к его рукам. – Подождите, я принесу».

Незнакомец ушел. Андрей приподнялся на колени и старался думать не о странном незнакомце, а о том, как ему оторвать руки от скамейки, чтобы не остаться без рук. Вскоре мужчина вернулся с кастрюлей воды. И медленно, тонкой струей полил воду на его обледеневшие, отвердевшие руки. Вместе с водой на снег полилась розовая струйка крови. Он оторвал руки, чувствуя обжигающую боль. Незнакомец протянул варежки и пригласил в подъезд дома. «У меня ничего нет», – прерывистым голос выговорил Андрей. «Вы замерзнете на улице, – настоял незнакомец. – Идемте в подъезд».

В подъезде незнакомец растерялся, поскольку не знал, куда положить Андрея, и предложил пойти на лестничную клетку. Андрей отчего-то содрогнулся. Изнутри хрустнуло знакомое чувство, какая-то старая мысль захотела пробиться сквозь ледяную корку, но он был не готов к этому. Затем незнакомец отнес кастрюлю домой и вернулся с пледом и бинтом. «Держите, согрейтесь». – «Благодарю, – сказал Андрей, не поднимая глаз. – Большое спасибо». Незнакомец, уткнув руки в бедра, смотрел на него, стараясь понять, все ли сделал, что мог. Под белым светом из окна, падавшим ему на голову, проглядывалось его кругловатое, непримечательное лицо с маленькими карими глазами и пухлыми губами. Лицо совершенно обыкновенного человека. Андрею показалось, что незнакомец сам не понимал, что делает, – его рассеянные глаза не верили происходящему. В них был блеск, свет, за которым он неожиданно последовал – может, впервые в жизни, – но он не знал, каким должен быть следующий шаг. Когда их молчание затянулось, незнакомец потряс плечами и проговорил: «Ну... Если понадобится, то поднимайтесь на третий этаж, в тридцать седьмую квартиру. Вряд ли буду спать». – «Хорошо, – сказал Андрей, признательно кивнув. – Большое спасибо». Незнакомец снова ушел.

А Андрей опять остался один. Ему не спалось. Лежа на полу у лестницы, он заново забинтовал руки, грелся и думал о мистических случайностях. Уже во второй раз, когда он был уверен, что приблизился его конец, случилось нечто удивительное, необъяснимое. Сначала женщина в черном, теперь этот чужак. Спрятав руки между ног, втянув голову в плечи, он смотрел на свет, падавший теперь на его лицо, и думал о чудесах, в которые никогда не верил.

Через какое-то время незнакомец вернулся. «Как вы?» – спросил он, и Андрей сразу почувствовал запах выпивки. «Получше», – ответил он, приподнимая голову. «Не хотите в дом?» – спросил незнакомец. Подвыпивший, он изменился, стал менее аккуратен, более настойчив, и от этого казалось, что он немного не в себе. «Странно спрашивать у вас такое. Давайте, может, в дом?» Андрею стало неудобно. Незнакомец это заметил. «Я не настаиваю, – добавил он, – но какой смысл спать в подъезде, когда можно переночевать дома, в тепле? Спокойно переночуйте эту ночь у меня. Я все равно один, все разъехались».

Андрей уступил ему. Они поднялись на третий этаж, вошли в квартиру. В коридоре и комнатах было темно, свет исходил только с кухни. Незнакомец сразу прошел на кухню. Андрей тем временем медленно стягивал примерзшие к стопам ботинки и стаскивал с плеч отяжелевшую от влаги и грязи куртку. Стоило ему ступить ногой на пол, увидеть стены, потолок, люстру и двери, как на его тело нахлынула волна удивления от существования пола, стен, потолка, люстры и дверей – вещей, придуманных человеком для существования в закрытом пространстве, в доме. Ощущение безграничной, бесприютной улицы, преследовавшее его последние дни, сразу сжалось в нем и тут же, не дав осознать, разжалось, развернулось в ощущении домашнего уюта. Он пробуждался.

«Может, хотите в душ?» – спросил незнакомец, вернувшись в темный коридор и не дожидаясь ответа, показал ему ванную. «Душ не помешал бы», – добавил он со смущением. Андрей послушался его. На стиральной машине уже лежали футболка, спортивные брюки, носки и перекись с ватой. «И когда он успел? – подумал он, стаскивая с себя прилипшую к телу одежду. – И что ему от меня нужно?» Он увидел свое отражение в зеркале: непричесанный, небритый, лицо красное, в каких-то пятнах. Он встал под душ, закрыл глаза и прислушивался к заново пробуждающимся мыслям: как хорошо в квартире, в безопасности, как наконец-то ему повезло. Затем аккуратно обработал перекисью ссадины на ладонях и снова их крепко забинтовал.

Когда он вышел из ванной, незнакомец был на кухне. Он сидел за столом, покачивая ногой и тревожно озираясь: кажется, впервые задумался, что вытворяет. Андрей лучше разглядел его: лысеющий брюнет, неуверенный взгляд маленьких глаз, тоненький нос, толстые ярко-розовые губы; что-то татарское сквозило в его лице. Рост невысокий, плечи широкие, небольшой живот. Морщины и седые проблески на висках. Типичный тридцатипятилетний мужчина, городской трудоголик. «Вина? – спросил незнакомец, глядя на Андрея. – Или виски?» На столе были полупустая бутылка виски и пепельница, набитая бычками. По телевизору шли вечерние новости. От слабого кухонного света в Андрее снова защемил отголосок знакомого чувства. «Нет, – ответил он. – Не хочу». – «Жаль», – ответил незнакомец. От его ответа Андрею показалось, что, может, именно за этим он приглашал его в дом. Он остался стоять на пороге кухни. «Не возражаешь, если я продолжу?» – спросил незнакомец, кивая на бутылку.

Андрей не успел ответить, как незнакомец опомнился, тут же подскочил к нему и протянул руку. «Анатолий, – представился он. – Или Толя. Лучше просто Толя». – «Андрей, – ответил он, пожав руку. – Я не против, Толя. Это ваш дом, делайте что хотите». – «Нет, не мой. Сестры, – ответил Толя, указав на свободный стул. – Уехала с детьми в Египет. Я тут за кошкой присматриваю. – Он приотворил форточку и закурил. – А где кошка, черт ее знает. Андрей, не стой как статуя, садись уже. А чаю будешь?» – «Чаю с удовольствием». Толя сразу стукнул свободной рукой по щелчку чайника. «Ты, наверное, еще голоден будь здоров? – спросил он, выпуская дым в форточку. – Когда ел в

последний раз?» – «Вчера». – «Сейчас придумаю что-нибудь. – Толя подошел к холодильнику, держа в толстых губах сигарету. – Ты думаешь, что я ненормальный? Да? – Он перебирал продукты, не глядя на Андрея, и продолжал говорить, не дожидаясь ответа. – Не знаю, как тебя в этом разубедить. Остается лишь поверить на слово».

Чайник вскипел. Андрей поднялся, но Толя показал рукой, что сам все сделает. Он налил в кружку воды, опустил заварку и поднес ему дымящийся чай. Андрей поблагодарил его и аккуратно приложил руки к горячей кружке, сделал глоток. Впустив в желудок кипятка, наслаждаясь им, он сказал, что утром уйдет, не побеспокоит его больше. Толя ответил, что он может не спешить, все равно никому нет дела до него. Затем вернулся к более насущной проблеме. «Так, – пробормотал он, глядя на экран телевизора, но обращаясь к Андрею, – в холодильнике есть сосиски и пельмени. Устроит?» Андрей кивнул. «Сосиски или пельмени?» – уточнил Толя. – «Без разницы», – ответил Андрей. «Окей, сосиски».

Тогда он сразу подумал, что, наверное, лучше бы выбрал пельмени. А затем, подумав о подуманном, поразился себе: еще пару часов назад был на улице, готовился умирать, ежась на скамейке, а теперь, оказавшись в квартире, согрившись и получив возможность поесть, *выбирает*; всего час – и все забылось, стерлось.

Толя тем временем возился у плиты, не отрываясь от сигареты и поглядывая на телевизор. Иногда в нем проглядывала спешка, суета, словно он забывал, что ему нужно делать, а иногда он успокаивался, но не без усилия. Он положил перед Андреем тарелку с сосисками, достал из холодильника кетчупа с майонезом и батон хлеба. Не говоря ничего, преломил кусок, улыбнулся добродушной улыбкой чуть подвыпившего человека и пожелал приятного аппетита. Андрей поблагодарил и чуть не набросился на пищу, но осек себя и стал есть медленно, хорошо прожевывая. Когда доел, Толя спросил: «Расскажешь, что с тобой приключилось? У тебя лицо... Как это сказать? Ты не похож...» – «На бездомного?» – уточнил Андрей. – «Да. – Толя отхлебнул виски. – По правде, сам не понял, что на меня нашло. Обычно я такими вещами не занимаюсь».

Андрей закивал ему, не зная, что добавить. «Так расскажешь, что стряслось? – снова спросил Толя. – Или не хочешь?» – «Нет, почему?» – отозвался Андрей и стал рассказывать, но почти сразу пожалел об этом. В тепле, только поев, ему все больше хотелось одного – забыть хоть на время обо всем случившемся с ним, а не возвращаться к пережитому. Но он чувствовал себя гостем, да и уже начал говорить. Он рассказал Толе, что приехал в Москву на заработки, что работал у таких-то людей. От этого Толино лицо почему-то помрачнело. Когда он пересказывал вслух все случившееся с ним, в нем то и дело рождались новые, непроясненные мысли, какие-то смутные догадки, что, как и почему произошло; но он не успевал сосредоточиться на этих мыслях, они ускользали от него. Да и ему все меньше хотелось продолжать сбивчивый рассказ. Когда все совсем расклеилось, он закончил на том, как Ваня обчистил его, и он очутился на улице без денег и документов. «Ну а дальше, – добавил он, – улица, ночи на улице». – «Давно это случилось?» – «Дня три назад», – ответил он. – «Вовремя мы встретились друг другу», – попытожил Толя. К концу рассказа он был в меру пьян, взгляд его снова поблескивал.

«Тебе просто не повезло», – произнес Толя, прерывая молчание. Андрей согласился с ним. «Почему-то кому-то везет, а кому-то нет, да?» – спросил Толя. Андрей снова подтвердил его правоту.

Толя подвинул стул, сел боком к нему, прильнул спиной к стене и приподнял голову. Они ничего не говорили, слушая шум новостей. Затем Андрей спросил его, чем он занимается. «Вообще?» – уточнил Толя. – «Да». – «Точно хочешь знать?» – «Что-то секретное?» – переспросил, ухмыльнувшись, Андрей. – «Так-то да», – ответил Толя. Андрей сказал ему, что пусть расскажет, если считает нужным рассказать. Его дело, он ни на чем не настаивает. Толя с задумчивым взглядом покрутил в руках бокал с виски.

Андрей не сразу заметил, что Толе к этому времени всерьез взгрустнулось. Он перевел взгляд с бокала на окно, и Андрей увидел в оконном отражении, что Толя

насмешливо скривил губу. «Чем я занимаюсь? Перебираю дела, бумажки, перенаправляю звонки... Архивы, бумажки, звоночки, понимаешь? Руку жму, улыбаюсь нужным людям. Сажу перед монитором целый день, данные заново. Так, мелкая шерсть на фоне больших людей. – Толя повернулся, подлил себе еще виски, хотя с каждым бокалом все больше мрачнел. – Ты не против, если я поговорю? Мне, не совру, очень хочется поговорить. Я не помню, когда последний раз с кем-то разговаривал. По-настоящему разговаривал, понимаешь?»

Андрей не ждал этого, но деваться было некуда. «Да, конечно, – ответил он, делая глоток чая и надеясь, что это ненадолго. – Говори». Толя поблагодарил кивком, еще отхлебнул из бокала и впервые поморщился от выпивки. Затем заговорил – с большим желанием, чем Андрей: «Знаешь, что меня больше всего расстраивает на работе? Даже не эти бумажки-звоночки. Даже не то, что я ими уже десять лет занимаюсь. – Он закурил еще одну сигарету. – Больше всего меня расстраивает, что я не умею врать. И красть. Врать и красть. Если бы умел, то уже через год меня освободили от бумажек и звоночков. А я не научился. Нет этого во мне». Он стукнул себя по груди и замолчал. Глаза его рыскали, голова думала. «Я был уверен, что попав на такую службу, получу статус, деньги, власть. Все мне это твердили: родители, жена, друзья. Затем прошел год, второй, третий, я так и не научился врать. Без вранья – себе и остальным – не вышло ни статуса, ни денег, ни власти. Ни хрена не вышло. Я знаю людей, которые все время лгут и все время воруют. Я очень хорошо знаю таких людей. Я с ними каждый день работаю. У них все вышло, все получилось, потому что они все время лгут, все время воруют и все время обставляют других людей. – Теперь уже беспечный взгляд направился на Андрея. – Знаешь каких?»

Они рассмеялись нервным смехом. Оба, не сговариваясь, поняли, о ком речь. Толя докурив сигарету, затушил бычок в пепельнице, сразу закурил новую. «Есть те, кто лжет и крадет, – заговорил он фальшиво-высоким тоном, – и те, кого обманывают, у кого крадут. Те, кто берет от жизни все, и те, кто теряет в жизни все. Те, кто сидят на вершине мира, и те, кто тащат этот мир на плечах. Другой философии я не знаю».

Несмотря на смех, Андрею было не по себе от такой резкой откровенности чужого человека, от этой важной интонации подвыпившего мужика. Слушая его вполуха, он спрашивал про себя: «Зачем мне все это, зачем ты рассказываешь мне все?» Чужая откровенность неприятна. К тому же усталость, изломанность, сонливость. И, главное, неизвестный, неосознаваемый страх, подкрадывавшийся к нему, как только начался этот поток откровенностей, а может, и раньше – еще когда он только вошел в подъезд.

По новостям показали Крымский мост. Панорама охватывала его. Затем на экране появились многодетные семьи, которые путешествуют по Крыму на автомобиле. Толя пристально всмотрелся в их лица, подливая себе еще виски. Андрей наблюдал за ним, за льющимся в граненый стакан алкоголем, и с неприязнью думал, что, по справедливости, *вот так* люди оказываются на улицах, но уж точно не так, как он; он не заслуживал случившегося с ним.

«Я мечтал объездить весь мир, – заговорил с новой силой Толя. – Но в итоге не могу никуда выехать из России. Я даже в сраную Турцию не уеду. Только этот блядский Крым. – Толя посмотрел на Андрея с посерьезневшим лицом. – Подорвал бы его на хуй, и всю эту страну на хуй, на хуй. Смешно, да, а мы каждое лето проводим в Крыму. Один и тот же пляж, один и тот же отель, один и тот же блядский Коктебель». – «Так почему не поехать куда-то еще?» – спросил Андрей. – «Служба», – ответил Толя, пожав плечами. «Если бы, если бы только эта крымская хуйня! – Он взял секундную паузу, а затем указал сигаретой на экран. – Посмотри на этих мудозвонов. (Андрей поглядел на улыбающихся детей на экране.) Довольные какие. У тебя есть дети? (Андрей кивнул.) Хотел сказать, чтобы ты никогда их не заводил. С каждым годом все больше отдаляются. Я своего пацана отправил на футбол, а то он такой одинокий, потерянный, ни с кем не общается. Как он будет жить в этом зверином мире без друзей, кому откроется, кому будет нужен? – Толя опустил взгляд на пол, почесал голову. – Я боялся заводить детей, тем более

мальчика. Жена... – Он покрутил раскрытой ладонью в воздухе, словно взвешивая, рассказывать или нет. – Спустя столько лет продолжаю спрашивать себя, правильно я поступил или нет, надо было жениться или сглупил по молодости. А она все меньше беспокоится, что я догадываюсь обо всем. – Он усмехнулся сам себе, сделал еще глоток. – Ты спрашиваешь, где я работаю. Сейчас узнаешь».

Толя неожиданно поднялся, вышел из кухни. Андрей был уверен, что сейчас он покажет ему пистолет или что-нибудь в этом роде. Столько раз уже случалось, что кто-нибудь по пьяни, особенно посреди ночи и после бутылочной болтовни, хвастался оружием в доме. Ему сделалось противно и от него, и от шума, льющегося из телевизора. Насмотрятся, налагаются и начинается цирк с конями. Андрей просидел в ожидании полминуты. Наконец Толя вернулся с торжественным видом.

«Должность, ебать! Вышла замуж за чекиста! – Толя показывал раскрытую ксиву. – Когда раскусила, что я неудачник, уже было поздно метаться, сливать меня, понимаешь? По инерции продолжала играть в жену. В жену, ночующую в чужой квартире. Ну, знаешь, как это бывает, когда жена свое не получает: сразу на тебя всех собак навесит, детей у матери оставит, а сама направо и налево, направо и... Да ты сам видишь... – Толя махнул сначала на бутылку, затем на свой живот, на пьяное лицо и затем куда-то в сторону. Он стоял посреди кухни, чуть пошатываясь, с глупой, невинной улыбкой и вдруг, глядя на Андрея, воскликнул насмешливо-трагическим тоном, потрясая ксивой: – Как истовый христианин я не вмешиваюсь и не сопротивляюсь! Все понимаю, все принимаю и все прощаю. Оттого и не вмешиваюсь, не сопротивляюсь...»

Что-то неприятное кольнуло Андрея, когда Толя показал ему чекистскую ксиву. Он сразу увидел перед собой отца, а затем мента с двойным подбородком, вспомнил его ленивый взгляд и свое унижение. У него проскользнула мысль, что следует уйти отсюда, как только получится. Сначала выспаться, а затем – от греха подальше – смыться от этого чудака. Он безобидный, но на грани помешательства. Это было очевидно. Андрей сидел на месте, значительно кивнул ему на его признание и поинтересовался, зачем он женился, завел детей и устроился на чекистскую службу – это, может, в самом деле его интересовало, – если так не хотел всего этого.

«Как зачем? Все само случилось, – с пьяно-невинным лицом ответил Толя, садясь на стул. – Даже не случилось, а свалилось на голову. Живу, знаешь, земли под собой не чуя, а только ловлю на голову новые беды, проблемы. По-нашему вполне, стихийно, то есть по-скотски. Вот, давно, еще молодым, расстался с девушкой, которую вроде как любил, по-настоящему. Спустя месяц после расставания сделал предложение другой девушке, моей жене нынешней, с которой был знаком всего пару недель. В вечер, когда сделал ей предложение и она согласилась, мы пошли в ресторан на Манежной площади. И все время в ресторане меня преследовала родительская фраза, что мне нужна “подходящая должности жена”. Весь вечер я смотрел на нее и мысленно примерял образ “подходящей должности жены”, – а она, блядь, так подходила под этот образ, так вписывалась в эту роль!

Затем я думал, что встану на ноги, все заблаговременно устрою, но сразу влез в кредиты: свадьба, ипотека... Детей хотел после тридцати, но стал отцом в двадцать восемь... Стихия, понимаешь?

А служба... Я же это, повелся на ипотеку, потому и приоделся в чекистский мундир. К тому же брали по связям – отцовский друг детства был заведующим нашего отдела; сам отец был ментом всю жизнь, а меня вот, видишь, размышлялся чекистом сделать. И все было хорошо, он устроил меня, но через четыре месяца его друг помер. И все заглохло. Все те обезьяны, которые пришли со мной десять лет назад, уже получили свои квартиры, один я выплачиваю полноценную ипотеку. Иногда мне обещают, что помогут, устроят все, но я перестал им верить. Будь язык подлиннее, пошустрее, поглубже пролез в очко Павлу Лаврентьевичу, давно помогли бы, а так... – Его лицо снова помрачнело. – Ты просто пойми, зачем люди идут в ФСБ: когда восемнадцатилетний

пацан узнает, сколько материальных благ может быть у него и сколько у его сверстников, тогда он уговаривает себя, что делает все правильно. А родители... Как родители были довольны! Батя в присутствии других играл в гордого отца, а мать, когда встречалась с родственниками или подругами, тихо, со значением говорила: “На его должности обещают помочь с ипотекой – в наши времена это так важно”. Меня корбило от этих фраз: меньше всего в этом возрасте пацан задумывается об ипотеке. Всю жизнь родители прожили в съемной квартире, а на меня вот понадеялись... Но я не распознал знак, повелся. Сам виноват, да?

А как хорошо было, когда не было еще никакой службы. Подростком, влюбленный в интернет, мечтал, что стану программистом – конечно, втайне от родителей. Однако отец, не спросив и не обсудив ничего с матерью, которой он больше не доверял после “экспериментов с музыкой”, настоял, чтобы я поступал в академию ФСБ. И я, хоть и не хотел, послушался его. Пока друзья бухали, пробовали наркоту и кайфовали с девочками, я проводил сутки напролет в подготовке к ответственной, *служебной* жизни. Затем, правда, случился один яркий период: некоторое время, ближе к окончанию академии, отец внезапно тяжело заболел, и я поработал на нормальной работе, программировал на фрилансе. Время, когда он болел, а я был свободен от него, было самым счастливым временем. Тогда я впервые попутешествовал, впервые влюбился, пристрастился к выпивке, во благо себе или во зло, не знаю, но пристрастился намертво. Какая-то яркая, осмысленная жизнь была, чувство жизни такой неподдельной, подлинной. Я чувствовал себя исполненным.

Что за эксперименты с музыкой? Да, мать хотела, чтобы я пошел в музыкалку, учился скрипке. Настояла, что “надо” заниматься музыкой, приобщаться к культуре. Мещанские привычки. Сама в юности мечтала посвятить жизнь музыке, но не сделала этого. Что мать, что отец – ничего не добились, все на мои плечи свалили. Музыкалки, правда, хватило всего на год. После того как преподаватель в который раз ебнул меня линейкой по руке и я пришел домой с покрасневшими ладонями, родители обо всем догадались, и занятия “пришлось” прекратить.

А до этого еще дзюдо было, тоже *занятие мечты*. Туда уже отец загнал. Я не хотел в дзюдо, хотел в баскетбол или футбол, в командные виды спорта, где много людей, коллективная ответственность, но батя посчитал, что мне надо возмужать после приобщения к культуре, и я проходил без удовольствия три года. Правда, так и не победил, к его разочарованию, ни в одном соревновании: сплошные серебро да бронзы.

Хорошо помню день, когда я последний раз надел кимоно. Был полуфинал окружных соревнований, почему-то смежных, я должен был драться в полуфинале с девочкой. Когда она опрокинула меня лицом на татами и из носа брызнула кровь, арбитр тут же остановил бой и засчитал ей победу. Я поднялся в слезах и с окровавленным лицом и увидел, что место отца на трибуне уже опустело. Он не стал дожидаться боя за третье место *после такого* позора. Он ушел ждать своего непутевого сына в машине. Мне кажется, он был готов бросить меня насовсем, но что-то все-таки удержало его. Бой за бронзу, понятное дело, я выиграл, но никому уже это не было интересно».

К этому моменту своего рассказа Толя снова отпустил мрачность и был глубоко грустен, растерян. Он говорил, говорил и говорил, затягивая Андрея все глубже в воронку своей неудачно прожитой жизни, своего нерасхлебанного прошлого; и Андрей уже не помнил, когда, в который час, несмотря на сопротивление, что-то оборвалось в нем, неприязнь позабылась, и он слушал Толю в оба уха, по-настоящему, сердцем слушал его, сопереживал ему и печалился за него. Точно из-под груды злобы и отвращения к нему, а точнее, к его службе, Андрею послышался крик о помощи. Толя был незнакомый ему человек и не должен был столько рассказывать о себе, но Андрей – или кто-то другой в нем? – почувствовал, что должен выслушать его.

«Я вот сейчас рассказал тебе это все, – произнес Толя подытоживающим голосом, глядя внимательно в одну точку, в которой точно собрались все его прошедшие годы, – и

понял, что все в своей жизни делал не по своей воле. По материнской, по отцовской воле, по воле жены, по воле Павла Лаврентьевича, по воле детей, а по своей воле ничего не делал. Все в моей жизни протекало по чужой воле, по чужому “надо”. Как надо было другим, так я и делал. Я сам во всем виноват. Не было никакой стихии, а была одна чужая воля. – Толя закрыл глаза. – Знаешь, Андрей, почему я сразу вбежал на кухню, когда мы вошли?» – Андрей отрицательно потряс головой. «Не знаю», – ответил он. – «И хорошо, что не знаешь. Надеюсь, никто никогда не узнает».

Толя открыл глаза. Он не мог встать и попросил о помощи. Андрей подошел к нему, взял за руки, поднял его тело – Толя совсем не держался на ногах – и, следуя пьяным указаниям, донес до спальни комнаты и уложил в кровать. Лежа, Толя протянул ему руку, чтобы Андрей задержался. «В гостиной есть кресло, диван... Ложись, где хочешь». Андрей поблагодарил его. «Знаешь, – добавил Толя, глядя на него и приподняв края губ, из-за чего его лицо казалось задумчивым, – пока тебя не встретил, мне было так хуево. Никогда в жизни никому не рассказывал столько о себе. Сраная исповедь получилась, да?» Андрей усмехнулся. «Я увидел тебя на улице и зацепился за тебя. Направил все мысли на тебя, чтобы не думать, в каком блядском тупике очутился. Иначе не знаю, как, чего... А ты не испугался... Ты меня спас, да? Выслушал, дал выпустить из себя все, что тащил в себе. Никому в жизни не рассказывал столько, сколько тебе в эту ночь. Ни родителям, ни жене, никому. Никому не было интересно, кроме тебя. Только ты выслушал меня».

Толя повернулся на бок, спиной к нему, и подложил руки под голову. Андрей накрыл его одеялом, взял себе другое, прикрыл дверь спальни и ушел на кухню. Думал помыть тарелки, но отложил на утро. Взял потерявшую цвет чайную заварку, открыл дверцу под раковиной и увидел веревку в мусорном ведре и кирпич мыла.

Сознание быстро, мигом все схватило. «Вымазался и покался. Понятно». Чувства, настроение – все обнулилось. Андрей выкинул заварку, закрыл дверцу и ушел в гостиную.

В гостиной он лег на диван, накрыв себя одеялом. На улице светало. «А может, – подумал он, – он все соврал? Стал бы фсбшник мне рассказывать, что работает в ФСБ? Стал бы пересказывать свою жизнь?» Он лежал с открытыми глазами, никуда толком не глядя. «Но фотография-то его в ксиве, и имя тоже». Он вспомнил беспомощность Толи, его жалкую покорность судьбе.

Тогда же на столе что-то мигнуло под проблесками света. Что-то из кожи. Он подошел к столу. Это было портмоне. Андрей машинально раскрыл его: там было тысяч десять, не меньше. Он сразу подумал, что ему хватит до дома, что ничего не мешает прямо сейчас забрать деньги. «Восстановить справедливость, – проносилось в его сознании. – Стать тем, кто на вершине мира, кому везет. Или хотя бы тем, кто берет от жизни если не все, то хоть что-то. Ваню же ничего не смущало, когда он обокрал меня и бросил без денег и документов?»

Донесся шорох. Андрей бросил портмоне на стол и обернулся. Это был кот – огненно-рыжий, серьезный. Он прыгнул с кресла, со своего трона, и неспешными королевскими шагами подходил к нему, устремив по-львиному величавый прищур. «Или дожждаться утра, пока он не проснется, – подумал Андрей, не сводя ответного взгляда с кота. – Метро заработает. Доеду до вокзала – и домой. Уже светает, метро скоро совсем откроется». Кот остановился, больше не приближаясь к нему, держа дистанцию, но назидательного взгляда не сводил. Андрей тоже не двигался с места, смотрел в ответ. Им овладело чувство, что он смотрит куда-то глубже кота, дальше, чем видел перед собой. «Да, лучше отложить, – размышлял он. – Можно даже не спать, просто дождусь открытия метро и сорвусь».

Он отвернулся от кота, сел на диван, решив не ложиться, чтобы не уснуть. Его взгляд поплыл по комнате, затем по улице за окном, а затем направился на кота, возвращавшегося на кресло. Андрей сам не заметил, как мысли о портмоне ушли на край сознания, а в центре снова оказался прошедший день, точнее, вечер, воспоминания,

которым он отдавался. Как Толя принес ему воды. Как пригласил в подъезд, накрыл в подъезде пледом. Как странное чувство охватило его на лестничной площадке. Как затем такое же знакомое чувство пробудилось из-за кухонного света, а затем за столом, когда Толя взялся исповедоваться. Он испугался его, хотел сбежать, но выслушал все, что он наговорил. И как будто помог ему этим. «А ведь в самом деле помог, – подумал Андрей, вспомнив веревку в мусорном ведре. – Спас жизнь этому идиоту. В самом деле спас». Ему захотелось рассмеяться, но почему-то не вышло. Кот уже опустил голову на лапы, собирался спать.

Он перевел взгляд на утреннее небо за окном, на умножавшийся свет. «Кто светел, тот и свят», – вспомнил он слова из старой песни. Затем новая мысль врезалась в сознание: знакомое чувство в подъезде, когда он лег на лестницу, было напоминанием об отце. Да, отец. Лежал на полу, без сознания. Нашел его уже мертвым. Подбежал к нему, хотел поднять его, а у него изо рта кровь течет. Опоздал.

Сознание умолкло. Андрей притих. В безмолвии, его охватившем, он прислушался к сердцебиению. Ему снова вспомнилась кухня, слабый свет, исповедь Толи. Собственное чувство сопротивления. Нужно было что-то сломать в себе, чтобы услышать другого человека. Живого человека. Тоже знакомое чувство. Так же, кажется, когда-то сопротивлялся чему-то. Ему снова вспомнилось мертвое тело отца на лестнице.

Словно из ниоткуда, без предупреждения он увидел перед собой картину из детства. Вечер из начала девяностых, отец пришел домой вдребезги пьяный. Единственный раз в жизни пришел пьяный, еще и в ссадинах, с потрепанными волосами, со рваным рукавом рубахи. Встал на пороге дома, стыдливо поглядел на них и опустил голову. Андрей тут же онемел, испугался его. Он никогда не видел его в таком виде. Бабушка сразу посадила отца на кровать. Он не отвечал на ее расспросы. Затем, когда она сама замолчала, он виновато развел руками, потряс головой и, не поднимая взгляда, забормотал, еле связывая слова, перебивая рассказ руганью, которой он никогда больше не слышал от него. Отец ввязался в дело с ментами, в котором его, конечно, обманули, раздели, сделали крайним и выплюнули на обочину. Отец замолчал, как договорил. У него запрыгала нижняя челюсть, он схватился за виски, резко замычал и разревелся, громко и безостановочно. Бабушка в испуге сразу взялась его утихомиривать, но он оттолкнул ее, и она убежала на кухню за валерьянкой. Андрей же, позабыв про собственный испуг, почувствовал, как что-то треснуло, оборвалось в нем, – и он взял отца за руку, сжал ее изо всех сил и закричал: «Папочка, перестань! Перестань плакать, папочка, перестань!» Ему хотелось отнять всю его боль, все унижение, им пережитое, хотелось раствориться в нем и облегчить его страдания. У него не получается вспомнить, смог ли он тогда сделать этого. Ему вспомнилось только, что они сидели вдвоем с отцом, схватившись друг за друга, как за утопающих, и ревели навзрыд. Бабушка успокоила их: у нее были твердые нервы и крепкое сердце.

Андрей снова вернулся в настоящее время, в комнату, в которой были только он и спавший кот. Волной накатила усталость, и Андрей все-таки лег. Подложив забинтованные руки под подушку, он глядел перед собой. На следующий день отца увезли в город, отдали под следствие. Ему он сказал, что едет на какую-то стройку, оставит его на время с бабушкой. Сказал, что нужно на время проветрить голову, сменить обстановку, не более. Через неделю состоялся липовый суд, отец не произнес ни слова; его приговорили к шести годам колонии строгого режима. Бабушка ни о чем не рассказывала. Все шесть лет Андрей скучал по отцу, чувствовал себя провинившимся. Через шесть лет отец вернулся другим человеком, с другим лицом, взглядом, морщинами. Былой близости, теплоты между ними уже не было, но он все равно старался быть хорошим сыном. Он уже знал всю правду к тому времени. Все знал и старался быть хорошим, достойным сыном. Однажды, когда он уже повзрослел, отец сказал ему: «Не вздумай мстить за меня. Не человеку мстить и воздавать».

Андрей слабо рассмеялся, пока в сознании проносились мысли: «Уехал в город, на стройку, конечно. Оставил меня одного. Ну да. Никого не напоминает? Как мы, оказывается, похожи. Как похожи!» Он засмеялся еще громче, и с кресла блеснул недовольный взгляд кота.

Прошло двадцать лет. Смерть и похороны отца, глупое увольнение Андрея, беременность жены, сын и его бессилие перед обстоятельствами, его страх. Внезапное желание сбежать в Москву, или попытать удачу в диких условиях. Неудачи. Бездомность. «Как Толя сказал? Нет стихии, есть только чужая воля и собственная вина, – подумал Андрей. – Я *сам* привел себя в это положение, точно сознательно делал все, чтобы мое положение в Москве ухудшалось, – словно наказывал себя за неудачи, за то, что думал, что так не похож на отца. За то, что не спас отца от тюрьмы. За то, что в действительности я так похож на отца».

А может, он не наказывал себя, а просто испытывал себя на прочность? Где страх, там и испытания. Надо было понять, хватит у него мужественности или нет. Есть у него достоинство или нет. Ведь его отец пережил следствие и суд, никого не сдав, пережил тюрьму – с достоинством, мужественно, молча. Может, теперь его мучения, испытания позади?

Может, теперь он вернется домой?

К этому времени за окном уже было совсем светло. Утренний золотистый свет разливался по улице и задевал комнату. Полусонный, Андрей снова прокрутил в сознании разговор на кухне, благодаря которому воскресли воспоминания об отце, благодаря которым ему открылось, зачем он уехал от семьи. «А если бы я испугался Толи и не выслушал его? Если бы я отвернулся от него?» И следующий режущий вопрос: «А если бы Толя, находясь в отчаянии, отвернулся от меня, не спас меня прошедшей ночью?» Андрей увидел перед собой жалкое лицо Толи, который, несмотря на все несчастья, несмотря на отчаяние, тоже спас ему жизнь. «Казалось бы, – произнес он про себя, – двое самых невезучих, самых несчастливых людей в этом городе, по всем правилам враги – а спасли друг другу жизни». И снова все озарилось, вспыхнуло ослепительным светом в сознании Андрея: «Получается, я связан не только с отцом, не только с родными, не только с семьей, не только с теми, кого знаю и люблю – но и с Толей, с незнакомыми мне людьми, с теми, кого почему-то не люблю. Я со всеми ними связан невидимой нитью. Мы все связаны друг с другом невидимой нитью». И последний вопрос, окончательно выжегший его изнутри: «А кто эту нить связывает между нами? Кто нас всех связывает друг с другом?»

Андрей перевел взгляд со света на кота. Он по-царски, подложив обе лапы под подбородок, мирно спал. Было в нем что-то величественное, неземное. Глядя на него, Андрей вспомнил про портмоне. Он удивился, как просто сначала осудил Толю, а затем решил, что ограбит его. Ограбит человека, который спас его от очередной ночи на улице. «Пережил бы я еще одну ночь? Не уверен. А если бы я его ограбил? Я бы только ухудшил свое положение. Получил бы деньги, да, но не прекратил стихию, чужую волю, дурной круг, в который попал, в который загнан с самого начала. Только усугубил бы все и свое наказание. Мне не нужны деньги, да и не за деньгами я поехал в Москву». Эта мысль была последней мыслью. От усталости и перенапряжения его тело и ум вконец обессилели.

Андрей накрыл спину одеялом и тут же уснул.

На следующий день его разбудил Толя – добрый, нелепый, с бестолковым взглядом и извинительной улыбкой. Накормил его, напоил чаем, написал на клочке бумаги адрес центра социальной помощи бездомным, уговорил взять денег и – как показалось Андрею, не без облегчения – проводил до метро.

Перед прощанием Толя ни с того ни с сего сказал, что у него настроение прожить нормальный день, полный обыкновенных радостей и удовольствий: взять хинкали в

грузинской забегаловке, живого нефilterованного пива в соседнем подъезде и, развалившись на диване, посмотреть футбол. «Может, зарядить немного, коэффициент больно хорош», – добавил он, чуть смущаясь и кивая на телефон в руке. Андрей никогда не делал ставок, поэтому не знал, что сказать. Он пожал Толе руку, еще раз поблагодарил за ночлег и попрощался.

Он приехал на вокзал, пообедал в фастфуде и выпил кофе из автомата, пока ждал вечерний поезд. В поезде он дал взятку проводнице, чтобы она закрыла глаза на отсутствие паспорта, и уже в пути подслушал разговор двух молодых толстобрюхих соседей, как один из их друзей накануне дня смерти провел самый обычный, самый нормальный день с самыми естественными радостями. По неизвестной причине, перед тем как наложить на себя руки, их другу были важны не близкие, не родные, не дети и не истина или смысл жизни, а сон до полудня, сытный обед, бутылка столового крымского вина, спокойный, самый обыкновенный вечер с любовницей в бильярдной, а затем ночная прогулка в районном парке в одиночестве, после чего он сел в автомобиль, отправился на опустевшую дачу своих родителей, отыскал на чердаке Вальтер модели ПЗ8К, принадлежавший его деду, служившему в ГРУ, аккуратно положил его укороченный ствол себе в рот, зажмурил глаза и выстрелил.

Ночью Андрей спрашивал себя, правильно ли поступил, что оставил Толю. Но в ту ночь ответа на вопросы он не нашел. Вместо ответа ему приснился странный сон: будто поезд доставил его не в родной город, а в больницу, где он отчаянно хотел узнать, все ли в порядке с Толей, но вместо этого его отправили в операционную, накрыли одеялом и незаметно отняли указательный палец правой руки. Когда он спросил врача, зачем он это сделал, то получил ответ: «Чтобы выбирать больше не приходилось». Тогда Андрей спросил, куда же ему теперь идти без указательного пальца, и доктор кивнул на кота из гостиной, тоже находившегося в операционной, и спокойно ответил: «За ним и иди». Когда Андрей захотел подняться с операционного стола, чтобы пойти за котом, то ударился головой о койку сверху и проснулся. К тому времени его толстобрюхие соседи уже отложили в сторону серьезные разговоры и, опустошив пару двухлитровых пластиковых бутылок черниговского пива, обсуждали «хохлов».

К утру Андрей приехал в родной город. На последние деньги из тех, что ему дал Толя, он доехал на автобусе до дома. Лифт, как обычно, не работал, и он поднялся по лестнице. Волнуясь, постучал в дверь квартиры. На вопрос Наташи, кто это, он ответил: «Это я, Андрей». Дверь чуть не отлетела. Наташа стояла, глядя на него секунды две-три, не веря своим глазам, а он смотрел на нее – живот ее совсем округлился, – и она тут же запричитала его: что случилось, где был, почему так выглядишь?! Затем уже остыла, обняла его, расцеловала и пожалела, и уже по-другому, по-родному, по-матерински спросила, что случилось, где он был и почему так выглядит.

Все родные и близкие были напуганы и обеспокоены его с Ваней исчезновением: их в самом деле искали, отправляли запросы в милицию, в вокзалы, в больницы, в морги, в центры социальной помощи, но единственное, что им удалось выяснить, это то, что в первых числах декабря на обледеневшей Москве-реке был найден труп мужчины средних лет – им, как позже выяснилось, оказался Ваня. Что с ним приключилось и как он там очутился, точно выяснить не удалось, но, по всей вероятности, его туда сбросили, столкнули, то есть это было убийство. Никто, кроме Наташи, не узнал, каким образом Андрей оказался на улице.

Из дома Андрей никак не мог выяснить что-либо о Толе. Телефона его у него не было, в социальных сетях его обнаружить не удалось: оно и не удивительно, ведь если верить этому чудаку, он был чекистом. Андрей не без смеха вспоминал ту ночь и при этом беспокоился за судьбу этого человека, спасшего ему жизнь.

Спустя несколько месяцев, летом, когда он восстановил мобильный номер и документы и готовился к поступлению на полставки преподавателем истории в университете, ему позвонили с московского номера. Незнакомый женский голос

поинтересовался, куда отправить деньги; оказывается, круглолицый бригадир в самом деле собирался отправить – и отправил – обещанные деньги.

Уже через много лет, пять или шесть, они с женой и детьми отправились на несколько летних дней в Москву: погулять, посмотреть город. Перед поездкой и в дороге Андрей переживал, что на него нахлынут воспоминания, особенно когда он пойдет по улицам, по которым беспомощно плутал в одиночестве пять или шесть лет назад.

В первый московский день – это был предосенний августовский день, с самого утра собирался дождь – они спокойно спускались по Мясницкой и разговаривали с женой о самых обычных вещах, о ценах на жилье или следующем отпуске, а иногда со своими вопросами в их разговор вклинивались дети. Младший, больше напоминавший мать, требовал вкусной еды, а старший, похожий по настроению на отца, глядел на серое небо, забитое тучами, и спрашивал: «Дождь скоро пойдет, а дождь – это погода со смыслом, так, папа?» – «Наверное, Коленка», – отвечал Андрей, в очередной раз гадая, откуда к нему приходят такие вопросы, и вернулся к разговору с женой о предполагаемых ценах на жилье в Москве, о возможной поездке в Петербург, если получится сэкономить денег.

Они прошли по переходу и вышли на Никольскую улицу. Андрей увидел со спины бездомного мужчину-попрошайку – сидел, прислонившись спиной к стене дома, второго по правой стороне. Его фигура показалась Андрею знакомой. Ничего не говоря, он оставил жену с детьми, подошел к мужчине и заглянул ему в лицо – но не узнал в нем того, кого искала его память. Бездомный поглядел на Андрея удивленным взглядом пьяного человека и спросил мелочи «на бухло». Андрей безразлично покачал головой и вернулся к жене и детям.

На вопрос жены, все ли в порядке, Андрей нерешительно кивнул, и они спустились по Никольской к Красной площади.